

Чепайтене, Р. (2010).

Интегральная охрана природного и культурного наследия

Из книги: Раса Чепайтене. Культурное наследие в глобальном мире.
Вильнюс: ЕГУ, 2010. – С. 158-170.

Человек начала истории полностью зависит от сил природы. Лишь при возрастании социализации со временем он приобретает исключительный статус в природном мире. Но и по сей день природа и культура дополняют друг друга. Язык, обычаи, этнические традиции, ремесла надолго получают свою уникальность именно из-за того, что могли сформироваться в свойственных конкретной территории условиях биологического разнообразия. Культурная идентичность различных народов сформировалась в своеобразной природной среде их обитания, от которой нередко зависят облик и красота необыкновенных культурных памятников, зданий и артефактов¹²⁵. Некоторые самые впечатляющие места природного наследия хранят следы человеческой деятельности, продолжавшейся многие столетия. Другие местности особенно значимы для народов благодаря своей духовной, культурной или художественной ценности¹²⁶. По словам Д. Лоуэнthal, «природное наследие – это земля и водоемы, которые мы обжили и эксплуатируем, почвы и растения, животные, которые составляют мировые экосистемы, вода, которую мы пьем, воздух, которым мы дышим. Человеческая деятельность значительно изменила все эти природные элементы, но мы все равно их считаем довольно отличными от нашего культурного окружения – зданий и инженерных творений, искусств и ремесел, языков и традиций, которые люди создали сами, правда, с использованием природных материалов»¹²⁷.

Проблема взаимосвязей материального и нематериального наследия, природы и культуры является объектом многолетних дискуссий, которые в контексте дисциплины охраны возникли в конце XIX – начале XX в. Не случайно при попытках осмысления не только самого характера охраны, но и общего понятия наследия проблема взаимоотношений природы и культуры попала в поле зрения исследований.

Попытка объединения принципов охраны природного и культурного наследия раньше всего появилась в Австро-Венгрии, которая имела богатые традиции в сфере охраны и в этой области лидировала в Европе. В начале XX в. – во время существенных изменений в охране памятников – в немецкоязычной среде под покровительством «Венской школы» появились три работы, авторы которых могут считаться основателями современной доктрины охраны памятников. Это вышедшая в 1903 г. книга Алоиза Ригля «Современный культ памятников; его суть и происхождение»; произнесенная в 1905 г. в Страсбурге речь Георга Де-хио «Охрана и благоустройство памятников в XIX веке» (*Denkmalschutz und Denkmalpflege in neunzehnten Jahrhundert*) и вышедшая в 1916 г. работа Макса Дворжака «Катехизис охраны памятников» (*Katechismus der Denkmalpflege*).

¹²⁵ John Agnew, Identity and the Regeneration of the Meanings of European Place, *Modern Europe. Place, Culture, Identity* (ed. by B. Graham). London, Arnold, 1998, p. 213-217.

¹²⁶ Подробнее см.: *Landscape Meanings and Values* (ed. by E. C Penning-Roswell and D. Lowenthal). London, Unwin Hyman, 1989.

¹²⁷ David Lowenthal, Natural and Cultural Heritage, *International Journal of Heritage Studies*, 2005, nr. 11(1), p. 82.

Главная книга «Катехизис охраны памятников» М. Дворжака, продолжателя идей А. Ригля, одновременно является и первой практической инструкцией сохранения культурных ценностей. В ней автор расширяет понятие охраны памятников, включая в него интерьеры, ландшафты, местные традиционные здания, природу – все культурное пространство. Это стало сильным теоретическим толчком к комплексному пониманию наследия, стремящемуся охватить все, что только исторически сформировалось.

Потенциально может быть охраняемо все, так же как все потенциально может планироваться или использоваться. Для обозначения этого широкого концепта в немецкоязычной среде начиная с конца XIX в. использовалось определение *Heimatschutz* (охрана малой родины). Интересно, что через законодательные нормы Польши, часть которой некоторое время принадлежала Австро-Венгрии, идея охраны культурного ландшафта, как составной части общего творения природы и человека, дошла и до литовско-белорусских территорий, на которые в 1920-1939 гг. распространялась польская власть. В Польше того времени уже существовали довольно развитая система структур охраны и теоретико-методологический аппарат¹²⁸. Тогда возникла и совершенно новаторская мысль о совместном хранении объектов природы и культуры на основе культурного ландшафта¹²⁹.

В свою очередь движение *Heimatschutz* в Германии было одним из ранних опытов охраны культурных ландшафтов¹³⁰. Однако модель *Heimatschutz*, с помощью которой стремились сохранить и восстанавливать целые культурные ландшафты, появившиеся в ходе эволюции человечества, отличалась от одновременно распространившейся в США концепции охраны природы, которая подчеркивала важность «диких», «нетронутых» ландшафтов и вела к созданию резерваций и заповедников нетронутой природы. Последняя концепция отразилась в идеях Г.Д. Торо, Дж. Муира, Г.П. Марша. Таким образом, в контексте США к понятию интегральности подходили через контекст охраны природы¹³¹.

Хотя во многих странах системы охраны культурного и природного наследия по сей день традиционно разделены, но в некоторых из них уже началось сближение этих дисциплин при помощи интегрального и холистического понимания объекта охраны (этим особо отличается система охраны наследия Северной Америки)¹³². Конечно, в плане консервационных практик это разделение вполне понятно, но в плане теории охраны, управления потоком посетителей и интерпретации видны их качественные аналогии. Поэтому в последнее время при исследованиях наследия акцент делается на использование экологической теории и методов анализа ландшафтов.

Национальные парки США сначала ограничивались природным наследием, тем самым стимулируя создание национальных исторических парков или мест, предназначенных для охраны культурной среды¹³³. Само создание охраняемых территорий было следствием увеличивающегося влияния людей на ландшафты. В XIX в. в Северной Америке индустриализация и урбанизация

¹²⁸ Bohdan Rymaszewski, *Polska ochrona zabytków. Refleksje z lat 1918-2002*. Warszawa, 2002, p. 27-31.

¹²⁹ Zbigniew Kobylinski, *Teoretyczne podstawy konserwacji dziedzictwa archeologicznego*. Warszawa, 2001.

¹³⁰ K. Jax, R. Rozzi, Ecological Theory and Values in the Determination of Conservation Coals: Examples from temperate Regions of Germany, United States of America and Chile, *Revista Chilena de Historia Natura*, 2004, nr. 77, p. 349-366.

¹³¹ Introduction: Why Cultural Landscape Preservation? Preserving Cultural Landscape in America (ed. by A. R. Alanen, R. Z. Melnick). Baltimore, John Hopkins Press, 2000, p. 1-21.

¹³² *Preserving Cultural Landscapes in America* (ed. by A. R. Alanen, R. Z. Melnick). Baltimore, John Hopkins Press, 2000.

¹³³ Bryan Graham, *Heritage, Identity and the Cultural Foundation of Regions*, <http://www.regional-studies-assoc.ac.uk/events/pisa03/gateway8.pdf> (см. 2005.05.02)

еще не достигли такого уровня, как в Европе, неиспользуемым землям угрожало лишь экстенсивное сельское хозяйство. В национальных парках заповедные, замечательные территории природного наследия стали восприниматься как часть американской национальной идентичности, в противоположность более древнему культурному наследию стран Европы¹³⁴.

Но с течением времени и в Северной Америке была поставлена под сомнение концепция «нетронутой» природы. Исследования показали, что перед приходом европейцев ландшафт континента вовсе не был заповедным. Признание влияния местных жителей на формирование ландшафта даже привело к идеализации индейской культуры. Вследствие этого люди с их традиционной практикой использования земли начали вовлекаться в национальные парки. Территории, ранее охраняемые как природные ценности, получили статус культурных ценностей. А в настоящее время система охраны наследия в США лучше всего реализует как интегральный, так и региональный аспект¹³⁵.

Интегральная охрана наследия создает возможность включения местных жителей в охранную деятельность, что расширяет стратегию охраны и обеспечивает сбалансированное использование земли. Такая система охраны требует обновления средств планирования, их тесной связи с широкими территориальными образованиями, не ограниченными только специфическими малыми местами.

Однако во многих странах до сих пор сохраняется традиция различать охрану природных и культурных объектов. Несмотря на то что охранные методы иногда схожи, связи между этими сферами скорее всего основаны на конкуренции, нежели на дружелюбных отношениях. Эта тенденция, может быть неосознанно, присуща западному (иудео-христианскому) типу мышления, который склонен различать человека (как субъект) и природу (как объект). Надо отметить, что такой дуализм восприятия природы и культуры не свойствен странам Востока.

Возросший интерес к философии Востока, ухудшающаяся экологическая обстановка в глобальных масштабах и необходимость поиска новых средств решения этих проблем привели к появлению новых теорий наследия и способов их внедрения в практики охраны. За последние несколько десятилетий проявились две новые тенденции в науке о наследии: с одной стороны, интегральная охрана ландшафтов, с другой – акцентирование ценностей нематериальной, духовной культуры (см. выше). Этому немало способствовала традиционная дальневосточная модель отношений природы и культуры, становящаяся все более актуальной для современного западного общества, подвергающегося возрастающей угрозе экологического кризиса (глобального потепления и загрязнения окружающей среды) вследствие нарушения баланса отношений между человеком и природой. В результате интегральное понятие наследия становится одним из важнейших путей решения вышеупомянутых проблем и тем самым – одним из новейших направлений в науке о наследии.

Природное наследие от культурного больше всего отличают категории экологических процессов, постоянной естественной эволюции и способности экосистем к самосохранению и восстановлению. Охрана природного наследия редко опирается на отдельные объекты, чаще всего это сохранение видов и экосистем. Исключением являются лишь **памятники природы** (термин явно

¹³⁴ A. Runte, *National parks. The American Experience*. Lincoln, University of Nebraska Press, 1997, p. 335-

¹³⁵ Catherine Howett, *Integrity as a Value in Cultural Landscape Preservation, Preserving Cultural Landscapes in America...*, p. 186-208.

заимствован из сферы охраны культурного наследия, в центре внимания которого до недавнего времени были отдельные памятники). Даже переход к комплексно-структурному пониманию объекта культурного наследия все равно опирался на селекцию отдельных исключительных вещей или явлений, что не свойственно природному наследию.

Различаются и первичные причины охраны природного и культурного наследия. Охрана природы основывается на долгосрочной экономической и экологической пользе, в то время как реликты древности сохраняются вследствие культурной или эстетической полезности¹³⁶. Эти различия, конечно, создают трудности для интегрального понятия природного и культурного наследия.

Они до сих пор очевидны и на институциональном уровне. В разных странах за охрану природного наследия чаще всего отвечает Министерство окружающей среды, а за охрану культурного фонда – Министерство культуры (например, в Литве). Исключением в данном случае является Норвегия, где за обе сферы ответственно Министерство окружающей среды (кроме нематериального наследия и музеев, которые подвластны Министерству культуры и религий).

При практическом решении проблем интегральной охраны приоритеты охраны культурного наследия часто не соответствуют приоритетам охраны природы. Сегодня объединяющим звеном этих категорий становится понятие «ресурс». Но тут имеются и различия. Ресурсы природы приобретают ценность при трансформации с помощью разных технологических процессов, а теряют ее, будучи оставленными в их первобытном состоянии. Ресурсы же культурные, наоборот, сохраняют свою аутентичность, когда не подвергаются изменению¹³⁷, хотя избежать этого почти невозможно, что и подтверждает двухсотлетняя дискуссия о целях и средствах охраны.

Следует признать, что сегодня как природное, так и культурное наследие начинает больше восприниматься человечеством как экономические ресурсы, становящиеся особенно важными для развития регионов. Популярный термин – **устойчивое развитие** (*sustainable development*) – является современной стратегией управления культурными и природными ресурсами и содержит не только экономическое, но и более широкое значение.

Усилившееся в 80-х гг. XX в. внимание к экологическому аспекту и охране окружающей среды оказало значительное влияние на введение и популяризацию понятия «гармоничное», или «устойчивое», развитие. Концепция гармоничного развития была сформулирована в 1972 г. на проходившей в Стокгольме конференции Объединенных наций по вопросам окружающей среды. Она стала особенно популярной после публикации в 1987 г. отчета Мировой комиссии по окружающей среде и развитию (*World Commission on Environment and Development*) *Наше общее будущее* и конференции Объединенных наций по окружающей среде и развитию, состоявшейся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро (Бразилия), которая приняла *Декларацию об окружающей среде и развитии*. Эти документы позволили перейти к холистическому понятию сохранения ресурсов окружающей среды и сбалансированного развития.

Этот термин сначала относился к управлению ресурсами и решению проблемы нищеты в бедных странах, и поэтому проблема культурного наследия здесь непосредственно не затрагивалась. Однако вопрос сбалансированности со временем расширился и стал применяться не только к сфере окружающей среды, но и к историческим поселениям и целым территориям¹³⁸.

¹³⁶ David Lowenthal, *Natural and Cultural Heritage*, *International Journal of Heritage studies*, 2005, nr. 11(1), p. 87.

¹³⁷ *Understanding Heritage Resources*, http://www.kivu_com/CND/heritageresources.html (см. 2005.05.15).

¹³⁸ Jukka Jokilehto, *Management of Sustainable Change in Historic Urban Areas*, *Conservation and Urban Sustainable Development. A Theoretical Framework* (ed. by Silvio Mendes Zanchetti). Recife, Ed. Universitária da UFPE, 1999, p. 63.

Критики концепции гармоничного развития утверждают, что она недостаточно конкретна, неопределенна и неясна, однако в последние десятилетия гармоничное развитие стало господствующей идеологией эволюции общества и повлияло на прогресс во многих областях науки, в том числе и в исследованиях туризма.

Возможность внедрить принципы устойчивости опирается на известный лозунг «зеленых» «думай глобально, действуй локально». Приверженцы этого движения пытаются втянуть местных жителей в активное решение конкретных локальных проблем, стараясь повысить уровень их ответственности за окружающую среду и экономическое развитие. Одной из главных сфер применения принципа стабильности является устойчивый туризм (sustainable tourism), который отождествляется как с опасностями, связанными с глобализацией, так и с открывающимися новыми возможностями¹³⁹.

Движения «зеленых» и антиглобалистов, как и другие академические и социальные группы, такие как общества защиты культурного наследия или социальные движения стран третьего мира, показали возрастающую значимость осознания окружающей среды¹⁴⁰. Отсюда вытекает понятие современной охраны наследия как контроля над изменениями и механизма управления ресурсами¹⁴¹ и тем самым как определения неотъемлемой части процесса территориального планирования, включая местное общество. Применение интегрального планирования – скорее комплексного, холистического, чем вызванного целями однонаправленной эксплуатации ресурсов и кратковременной экономической наживы, – стремится сбалансировать экологические функции и биоразнообразие, включая согласование различных мнений: от аборигенов до представителей промышленного производства.

Сегодня одной из основных категорий интегральной науки о наследии является понятие **культурного ландшафта**. Авторами понятия стали американские географы К.О. Сауэр и К.Л. Салтер, которые в начале XX в. обозначили этим термином искусственные, созданные человеком ландшафты¹⁴². Взгляды К.О. Сауэра развивали другие географы, определяя ландшафт не как эстетическую или экологическую единицу, а как культурное или политическое целое, меняющееся с течением времени¹⁴³. Д. Лоуэнталь выделил три свойства культурного ландшафта, осознавая его как наследие: 1) **материальность** (ландшафты воспринимаются всеми нашими чувствами, что делает их ощутимыми – материальными); 2) **богатство ресурсов** (ландшафты используются как резервуары для артефактов большого разнообразия, придавая им широкий контекст и увеличивая их индивидуальные качества); 3) **стабильность** (ландшафт является самым наглядно фиксируемым недвижимым феноменом в нашем окружении). Последнее свойство придает ландшафту значение безопасности и надежности¹⁴⁴.

¹³⁹ Silvia Caserta, Antonio Paolo Russo, More means Worse: Asymmetric Information, Spatial Displacement and Sustainable Heritage Tourism, *Journal of Cultural Economics*, 2002, vol. 26, nr. 2, p. 245-260.

¹⁴⁰ U. Hassler, M. Joachim, N. Kohler, F. Zentner and al., *Sustainable Development of Urban historical areas through an active Integration within Towns*, http://www.lemma.ulg.ac.be/research/suit/Reports/Public/SUIT3.3b_Report.pdf (см. 2007 12 04).

¹⁴¹ Jukka Jokilehto, *Management of Sustainable Change...*, p. 63.

¹⁴² *Human Geography* (ed. by J. Agnew, D. Livingston). Oxford, 1999, p. 309- 310.

¹⁴³ Donald W. Meinig, *The Interpretation of Ordinary Landscape. Geographical Essays*. New York, Oxford University Press, 1979, p. 153.

¹⁴⁴ David Lowenthal, European Landscape Transformations: the Rural Residue, *Understanding Ordinary Landscapes* (ed. by P. Groth, T. W. Bressi). Yale, New Haven, Yale University Press, p. 180-188.

Таким образом, культурные ландшафты – это наиболее сложные объекты деятельности и политики охраны наследия, поэтому и воспринимаются по-разному. Одно из их значений – ландшафты как административная единица, область. В других случаях отмечаются их визуальные и эстетические качества (пейзаж). Наконец, ландшафт – это территория определенного физического характера, топография, определенная специфическими природными формами и их взаимоотношениями. Кроме физической составляющей выделяется и духовная сторона ландшафтов при рассмотрении их как экзистенциальных феноменов с ярко выраженными символическими ценностями, ассоциациями и верованиями или как ментальных конструкторов, охватывающих уровни интерпретации, понимания и знаний¹⁴⁵.

При восприятии ландшафта как отношения между людьми и окружающей средой выявились две различные позиции. Одна концепция является биоцентрической, опирающейся на существенную ценность дикой, нетронутой природы и комплекс ее взаимосвязей. Другая – антропоцентрическая концепция – отмечает важность культурных достижений и разных аспектов развития. После принятия в 1972 г. Конвенции *по охране культурного и природного наследия* ЮНЕСКО была предпринята попытка согласовать биоцентрическую и антропоцентрическую позиции, но, по мнению Г. Плахтера и М. Росслера, возникли трудности в определениях различий охраны художественных произведений и природы. Только введение категории культурного ландшафта позволяет согласовать обе эти позиции¹⁴⁶.

В 1992 г. экспертами Всемирного наследия было дано определение культурного ландшафта как общего творения природы и человека. Таким образом, была предпринята попытка избежать отдельной оценки ландшафтов, считая, что всякая человеческая деятельность является культурной. Традиционное определение со временем несколько изменилось исходя из того, что взаимодействие человека и природы не всегда бывает гармоничным и не все исторически сложившиеся местности являются одинаково качественными в культурном смысле. В середине XX в. культурными ландшафтами стали называть лишь сознательно созданные, экологически стабильные, экономически полезные, эстетически привлекательные совместные творения человека и природы. Тем самым культурные ландшафты были противопоставлены антикультурным, испорченным человеческой деятельностью ландшафтам¹⁴⁷.

В России же эта проблема впервые была поднята еще в начале XX в. (Л. Берг, позднее В.И. Вернадский, Д.С. Лихачев), однако ее дальнейшего развития не последовало, и она вновь стала актуальной только после распада Советского Союза. Основные темы поднимались и поднимаются представителями видных российских институтов: Института культурного и природного наследия, Московского государственного университета, Петербургского государственного университета. Все они рассматривают культурный ландшафт с разных позиций. В современной российской географической науке можно выделить три основных подхода к определению

¹⁴⁵ Концепция ландшафтов как символических единиц особенно распространена среди представителей современной культурной географии. Подробнее см.: M. Antrop, *Landscape as an Integrative Concept: Effects and Experiences of the European Landscape Convention*, RELU Workshop Landscape as an Integrating Framework for Rural Policy and Planning. Sheffield, 2005, <http://geoweb.ugent.be> (см. 2007 11 12).

¹⁴⁶ H. Plachter, M. Rossler, *Cultural Landscapes: Reconnecting Culture and Nature, Cultural Landscapes of universal Value. Components of a Global Strategy*. Jena, Stuttgart, New York: Gustav Fischer Verlag, 1995; N. Mitchell, S. Buggay, *Protected Landscapes and Cultural Landscapes: Taking Advantage of Diverse Approaches*, <http://www.georgewright.org/171mitchell.pdf> (см. 2006-02-23).

¹⁴⁷ Jurgis Bucas, *Lietuvos kraštovaizdžio saugotinu kultūros vertybių sistemų formavimo ir apsaugos metodologiniai pagrindai*. Kaunas, KTU, 1993.

и изучению культурного ландшафта: 1) классический географический, 2) этнолого-географический и 3) информационно-аксиологический¹⁴⁸. Хотя на первый взгляд они не слишком отличаются друг от друга, в практике их применения возможны существенные методологические расхождения в понимании объектов охраны культурных ландшафтов.

На международном уровне идея холистического подхода стала распространяться с 1972 г., когда в Париже во время XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Конвенция *по охране культурного и природного наследия*. До этого охраной природных и культурных объектов в основном понимались совершенно разные отрасли деятельности. Таким образом, на международном уровне радикально изменились сами приоритеты охраны. От принятия Конвенции 1972 г. до появления *Оперативного руководства по ее практическому применению* (1996 г.) во многих европейских странах преобразовалось само понятие объекта наследия и взгляд на приоритеты в этой сфере. В названное время в системе юридической базы отдельных стран можно выделить несколько этапов.

С 1972 по 1992 г. было принято считать, что природа, являясь фундаментом культуры, подверглась ранее неслыханной угрозе разрушения и человечество может выжить лишь при условии ее сохранения. Принимались попытки охранять отдельные памятники природного и культурного наследия и важнейших структур ландшафта.

Начало второго этапа (с 1992 по 1996 г.) связано с резолюциями, принятыми во время совещания экспертов культурного наследия в 1992 г. во Франции. Был сделан упор на категории культурных ландшафтов исключительно уникальной ценности, определено само понятие «культурный ландшафт» и его приоритетная роль в охране окружающей среды. На данном этапе считалось, что природа и культура являются неразрывно связанными между собой. На юридическом уровне предпринимались попытки объединить усилия по охране ценностей культуры и природы. Создавались институты, посвященные вопросам окружающей среды. Объектом приоритетного интереса стали специфические места и местности окультуренного ландшафта. Но на практическом уровне их охрана традиционно опиралась на деятельность по охране природы.

Начиная с 1996 г., когда во Франции состоялось новое деловое совещание экспертов по всемирному наследию, были приняты резолюции, ставшие основой для поворота в понимании объекта науки о наследии и приоритетов охраны. С того времени в международных документах делается акцент на том, что сама природа и ее ценности могут выжить лишь при содействии общества и культуры. Охрана качества окружающей среды становится международной заботой. В итоге стала перестраиваться сама система институций охраны окружающей среды с приоритетом культуры. Объектом охраны становятся уникальные культурные и природные *социобиотипы*, т.е. культурные ландшафты¹⁴⁹.

Еще в 1992 г. во время съезда экспертов по культурным ландшафтам во Франции были определены три категории культурных ландшафтов, утвержденные и включенные в *Оперативное руководство по практическому применению Конвенции охраны природного и культурного наследия*.

¹⁴⁸ *Культурный ландшафт как объект наследия* (под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой). Москва, Институт Наследия; СПб., Дмитрий Буланин, 2004, с. 14.

¹⁴⁹ Более подробно см.: M. Rössler, *World Heritage Cultural Landscapes: a Global Perspective, The Protected Landscape Approach. Linking Nature, Culture and Community* (ed. by J. Brown, N. Mitchell, M. Beresford), IUCN-The World Conservation Union, 2005.

Органически сложившиеся ландшафты охватывают самую большую территорию культурных ландшафтов, в основном сельских. Они в свою очередь делятся на два подтипа – архаичные или реликтовые, эволюция которых уже закончилась, и функционирующие, живые или продолжающиеся, связанные с традиционным образом жизни и важные для общества, отражающие историю трансформаций пространства.

Специально созданные культурные ландшафты определить легче всего. Под эту категорию подпадают сады и парковые ландшафты, созданные в основном для эстетических нужд (например, усадебные ландшафты, Куршская коса).

Ассоциативные культурные ландшафты являются одной из наиболее сложно определяемых и идентифицируемых категорий. Их исключительная ценность основана на разных религиозных, художественных или духовных феноменах. В данном случае следы человеческой деятельности имеют не только материальный вид, но и духовный характер. Их содержание основано на происходивших здесь важных исторических событиях (например, поля сражений), сакральной деятельности (монастырский ландшафт), этнокультурном наследии местных жителей (деревенский или этнографический ландшафт), ассоциациях с жизнью и творчеством знаменитых людей. Ассоциативная сила таких ландшафтов не всегда очевидна по их внешнему виду или материальным символам. Она основывается на мифологии, фольклоре, преданиях.

В 1995 г. Комитету по всемирному наследию был предложен документ ЮНЕСКО *Глобальная стратегия*, выражающий антропологический взгляд и опирающийся на две существенные темы: сосуществование Земли и человечества. Принципы Глобальной стратегии подкорректировали положения Конвенции охраны всемирного культурного и природного наследия, отметив, что Европа намного больше представлена в Списке всемирного наследия, чем другие части света; исторические города и религиозные здания - больше, чем другие ценности; по сравнению с другими религиями и верованиями больше всего представлено христианство; исторические периоды описаны чаще, чем предыстория и XX в.; элитарная («высокая») архитектура отражена подробнее, чем местная; вообще, традиционные культуры – их подлинная глубина, богатства, комплексность и разнообразные отношения с окружением – в Списке представлены недостаточно. Даже традиционные поселения включены в Список только вследствие их архитектурной ценности; оставлено без внимания множество экономических, социальных, символических и философских измерений или их взаимодействие с природной средой во всем ее разнообразии. В данном документе обращено внимание на то, что в наследии многих стран материальные и нематериальные, природные, духовные и культурные факторы комплексно взаимосвязаны¹⁵⁰.

В 2003 г. интегрированные критерии отбора ценностей в Список были утверждены на XXVII сессии Комитета по всемирному наследию. Сегодня признается, что смешанные местности наследия являются исключительными ценностями природы и культуры, поэтому в Список всемирного наследия они включаются на основе параметров, определяющих и культурное, и природное наследие.

¹⁵⁰ Expert's Meeting on the „Global Strategy” and Thematic Studies for a Representative World Heritage List. UNESCO, 1994; Y. Ahmad, S. Bandyopadhyay, D. T. Yeomans, *The Changing Scope of Heritage since the Venice Charter 1964*, <http://www.scri.sal-ford.ac.uk/bf2002/pdf/Ahmad.pdf> (см. 2005-04-12).

В Список в качестве культурных ландшафтов в 1993-1994 гг. были впервые включены национальный парк Улуру-Ката Тьюта в Австралии, ранее номинированный как природное наследие (1987), и национальный парк Тонгариро в Новой Зеландии, также переведенный из категории природного наследия (1990). Всего на 2007 г. в перечень культурных ландшафтов Списка Всемирного наследия было включено 55 объектов из 36 стран мира (из них четыре – трансконтинентальных). Но если внимательно проанализировать существующий Список, можно заметить, что большое количество объектов, отнесенных к группам культурного или природного наследия, можно было бы включить и в состав объектов культурного ландшафта¹⁵¹.

Итак, можно утверждать, что современная интегральная система охраны наследия становится основополагающей, объединяющей культурное и природное, материальное и нематериальное (духовное) как неделимое целое, активно включающей в охранную деятельность местные общества, ответственные и заинтересованные в сохранении своей жизненной среды – культурного ландшафта – как своей культурной идентичности.

¹⁵¹ Подробнее об этом см.: Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова, *Культурный ландшафт как категория наследия, Культурный ландшафт как объект наследия* (под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой). Москва, Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004, с. 18-21.